

Анной Эллада Кан-ооловна

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК ЧАСТЬ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье говорится о том, что экспрессивность является средством выражения антропоцентрической парадигмы в языке. На сравнительно-сопоставительном материале двух языков (тувинского и русского) автор показывает, как метафоризация названий различных существ и неодушевленных предметов служит для обозначения человека. В результате семантической деривации в языке появляются новые единицы, составляющие доказательную базу статьи. Работа подтверждает тот факт, что человек отражает в языке не только мир, но и самого себя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 51-55. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.02.00 ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373.612.2+811.512.156+811.161.1

В статье говорится о том, что экспрессивность является средством выражения антропоцентрической парадигмы в языке. На сравнительно-сопоставительном материале двух языков (тувинского и русского) автор показывает, как метафоризация названий различных существ и неодушевленных предметов служит для обозначения человека. В результате семантической деривации в языке появляются новые единицы, составляющие доказательную базу статьи. Работа подтверждает тот факт, что человек отражает в языке не только мир, но и самого себя.

Ключевые слова и фразы: метафора; человек; экспрессивность; метафорический экспрессив; тувинский язык; русский язык.

Анной Эллада Кан-ооловна

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл
eanna@mail.ru*

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК ЧАСТЬ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Человек отражает в языке не только мир, но и самого себя. Одним из средств выражения антропоцентрической парадигмы в языке является экспрессивность. Экспрессивность в языке выражает чувства, эмоции, социальную оценку говорящим предмета речи.

Тувинский и русский языки, являясь государственными языками Республики Тыва Российской Федерации, как известно, относятся к различным группам, как по генетической, так и по типологической характеристике. Тувинский язык является представителем тюркской ветви алтайской семьи языков и относится к агглютинативным языкам. Русский язык входит в восточную подгруппу славянской группы индоевропейских языков и относится к флективным языкам. Языковые связи русского и тюркских языков имели место ещё во времена Киевской Руси. Влияние русского языка на тувинский язык активно началось с момента вхождения Тувинской Народной Республики в состав Советского Союза – с 1944 года.

В статье рассмотрим номинации человека, образованные семантической деривацией на основе метафоры в тувинском и русском языках, называемые нами как *метафорические экспрессивы* (данный термин впервые в научный оборот ввела Н. А. Лукьянова [8, с. 100]).

Выборка материала была сделана из Тувинско-русского словаря [18], Толкового словаря тувинского языка [16; 17], из записей спонтанной, разговорной речи, из художественной литературы тувинского языка [12; 13], а для сравнения использованы Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова [1], монография Н. А. Лукьяновой [8] и данные электронной базы Национального корпуса русского языка [2; 11].

В рамках семантического подхода к вопросу экспрессивности в языке, где берутся во внимание языковая личность, языковая картина мира и живая разговорная речь, под *экспрессивностью* мы понимаем свойство лексической единицы, которое способно актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноименных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего [8, с. 43].

В русской лексикологии тема метафоризации слов и образования экспрессивных единиц хорошо изучена на материале художественной литературы и разговорной речи: Н. А. Лукьянова (1986), В. Н. Телия (1991), О. Н. Лагута (2003), И. М. Некипелова (2011), Т. Н. Пархоменко (2012) и др. считают, что метафорические переносные лексико-семантические варианты (ЛСВ) составляют значительную долю в общем объеме словаря русского языка.

В тувинском языке метафоризация в многозначном слове рассмотрена в работе Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» [14], который считает, что смысловые характеристики слов в плане синхронии и диахронии заметно различаются. Следовательно, появление переносного ЛСВ в слове в определенный промежуток времени может отличаться от предыдущего толкования, понимания.

В ряде исследований по лингвистике есть мнение о том, что язык отражает образ мышления, культуру (В. Гумбольдт (1795, 1984), А. А. Потебня (1862), Э. Сепир-Уорф (1934) и др.). А. Д. Шмелев говорил, что «в языке находят те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными

для носителей культуры, пользующейся этим языком; овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, “отражая” или “формируя” образ мышления носителей языка» [19, с. 7], с чем необходимо согласиться. Экспрессивность отражает языковую картину мира каждого народа по-своему, в словах выражается определенное отношение носителей языка к явлению или к человеку: например, в тувинском языке *чавана* ‘селезенка’ по отношению к человеку употребляется в значении ‘подхалим, подлиза’, что нехарактерно для русского языка. В этом примере метафорический перенос основан на том, что селезенка животных в традиционном быту тувинцев использовалась в качестве клеящего вещества, в частности для склеивания шитых краев ткани, поэтому общий ассоциативный признак определяется как «нечто клейкое, липкое, навязчивое». Метафора всегда считается «самым продуктивным способом создания экспрессивности слов и выражений» [15, с. 12], поскольку с ее помощью происходит ассоциативно-образное переосмысление значений.

В лингвистике известно представление о лексическом значении (далее – ЛЗ) слова как о сложной системе взаимосвязанных компонентов, которые выделяются с помощью компонентного анализа. В семантике экспрессивного слова есть два макрокомпонента: денотативно-сигнификативный (осуществляющий связь между языковым знаком и объективной реальностью, представляющий его категориальные, лексико-семантические и лексические семы) и коннотативный (связанный с отражением эмоционально-психической деятельности – чувств, эмоций, субъективных мнений, – представленной коннотативными семами). Так, рассматриваемые в статье единицы по денотативно-сигнификативному макрокомпоненту являются именами существительными со всеми категориальными свойствами существительного, а по коннотативному компоненту – метафорическими экспрессивами. Мы отождествляем коннотативное и экспрессивное содержание.

При определении семантической сущности *экспрессивности* в языке мы следуем за авторами, которые ее коннотативными компонентами считают: *эмоциональную оценку* (субъективное мнение, оценка предмета речи), *интенсивность* (отраженное в сознании и закрепленное в значении представление о высокой степени проявления действия, явления, признака предмета, лица) и *образность* (воплощенный в значении слова психический образ), в разных комбинациях присутствующие в значении экспрессивной лексической единицы [4, с. 19-26; 7].

В структуре лексического значения ядерной семой у *метафорических экспрессивов* является *образность*, передающая психический образ, воплощенный в значении слова, далее следует *эмоциональная оценка*, представляющая положительное или отрицательное субъективное мнение о предмете речи; третьим компонентом выступает *интенсивность*, выражающая закрепленное представление о высокой степени проявления признака предмета (см. Схему 1).

Схема 1.

Структура коннотативного содержания метафорических экспрессивов

Итак, под *метафорическими экспрессивами* мы понимаем лексемы экспрессивного значения, образованные семантической деривацией на основе метафорического переноса, служащие для передачи эмоций, чувств-отношений, оценок говорящих о лицах. Они не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка. Связь между прямым и переносным значениями одной лексемы воспринимается в тех случаях, когда она имеет характер контраста [7]. В основе метафорического переноса есть образ, являющийся источником информации о картине мира носителей языка, их знаний и представлений. В семантике рассматриваемых метафорических единиц образность является определяющим признаком отнесения их к экспрессивным лексическим единицам.

Взяв за основу схемы, выделенные Н. А. Лукьяновой [8, с. 100-101], мы рассматриваем метафорический перенос от названий реаллий, не связанных с человеком: названия *животных, птиц, насекомых, растений, болезней, мифологических и сказочных существ*, – в сферу ‘человек’. В результате метафоризации дается образная характеристика человека по морально-этическим, социально-коммуникативным, физическим, внешним признакам.

Схемы семантической деривации, выявленные в тувинском языке:

1) «животное → человек». В данную группу попадают названия всего животного мира – птицы, рыбы, домашние и дикие животные: *аскыр* ‘жеребец’ [16; 18] → к любвеобильному человеку (перевод переносного значения здесь и далее автора статьи. – Э. А.), *хой* ‘овца’ [18] → о глупом человеке и др.;

2) «насекомое → человек»: *кымыскааяк* ‘муравей’ [16; 18] → трудолюбивый человек, *саргы* ‘клещ’ [17; 18] → о навязчивом человеке;

3) «растение → человек»: *шагар-оът* ‘крапива’ [18] → к раздражительному человеку, *чечек* ‘цветок’ [Там же] → к красивому человеку;

4) «неодушевленный предмет → человек» – в основе переноса лежит признак или свойство неодушевленного предмета: *сек* ‘падаль’ [17; 18] → к плохому человеку, *ыйлаңгы* ‘волдырь, пузырь’ [18] → пустой человек, *көжээ* ‘стела, каменное изваяние’ [17; 18] → инертный, неподвижный человек;

5) «мифологическое существо → человек»: *бук* ‘дух, бес’ [16; 18] → к плохому, злему человеку, *дишрең* ‘демон, злой дух’ [Там же] → сумасшедший человек;

6) «сказочное существо → человек»: *чылбыга* ‘баба-яга’ [18] → к недоброму, неопрятному человеку, *даңгына* ‘царевна, дочь-хана’ [16; 18] → к красивой молодой девушке;

7) «нейтральное существительное → человек» – в основе переноса лежат признаки внешнего вида, социального положения, национальной принадлежности, физического состояния, особенности характера, поведения: *дулгуяк* ‘вдова’ [Там же] → сварливый человек, *хөлечик* ‘батрак’ [18] → чернорабочий и др.

Реализация представленных схем выявлена на примере более 100 лексических единиц в различных предложениях, покажем некоторые из них в обоих рассматриваемых языках:

(1) *Мээң караамга көзүлбес, черликшээн кара аза бо ышкажыл сен!* [Там же, с. 61]. / ‘Ах вот ты где, чёрт дикий, что не попадаетея на мои глаза!’ (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Э.).

мээң	кара=ам=га	көзүл=бес	черликшээн	кара
мой	глаз=1Sg=DAT	показывать=NEG	одичалый	черный
аза	бо	ышкажыл	сен	
чёрт	этот	ведь	ты	

В этом примере из тувинского языка адресата речи называют чёртом из-за того, что, видимо, он был неуправляемым, нельзя было его заставить в нужное время. Он подобен чёрту, который скитается, где хочет, сколько хочет. Чёрт как существо подземного мира не подчиняется людям. Возможно несколько иное представление о чёрте в русской языковой картине мира.

(2) *Ча-чаа мегелевейн көр, хек* [13, с. 177]! / ‘Да ну, не обманывай, пожалуйста, кукушка!’.

ча-чаа	мегеле=ве=йн	көр=Ø	хек
да ну	обманывать=NEG=OPT	смотреть=IMP/2Sg	кукушка

Во втором примере *хек* ‘кукушка’ в тувинской языковой картине мира: притворная, безответственная птица, которая подкидывает свои яйца в гнезда других птиц. Соответственно, данная лексема употребляется применительно к притворной, лживой, безответственной женщине, которой нельзя доверять и верить, как в представленном примере.

Несколько примеров из русского языка, взятые из Национального корпуса русского языка [13]: (3) *Я дал не ей по шее, а сыну, потому что он не учил уроки, а сидел перед телевизором, как осёл* [11]. В данном примере лексема *осёл* употребляется в качестве сравнения, но применительно к человеку.

Помимо сравнительной метафоры, в русском языке наблюдаются множество примеров прямого обращения к человеку: (4) *Потому что ты козёл и есть! Козёл ты рогатый! Ты сколько машину водишь, баран* [2]! В данном примере лексемы *козёл* и *баран* употребляются в качестве прямого обращения.

Представим также сравнение отдельных лексем, употребляемых для номинации человека и в тувинском, и русском языках.

Наблюдается семантическое и функциональное совпадение у следующих единиц: *дилги* и *лиса* ‘хитрый, лживый человек’; *тик* и *ноль* ‘о ничтожном, незначительном человеке’; *даңгына* и *царевна* ‘о девушке-красавице’; *төжөк* и *пень* ‘тупой, бесчувственный человек’; *чудук* и *бревно* ‘о тупом человеке’; *ыт* и *собака* ‘о злом, грубом человеке’; *эзир* и *орёл* ‘о гордом, смелом, сильном человеке’; *аскыр* и *жеребец* ‘о мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности, о бабнике’; *хаван* и *свинья* ‘о грязном, неопрятном человеке, о человеке, поступающем низко, подло, грубо’; *инек* и *корова* ‘о толстой, неуклюжей, нерасторопной или неумной женщине’; *хой* и *овца* ‘о робком, безответном человеке’; *аза*, *бук* и *сатана* ‘о ком-л. нехорошем, недобром’; *маңгыс* и *уырь* ‘о ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев’; *амырга-моос*, *чылбыга* и *чудовище* ‘о человеке низких, отталкивающих моральных качеств’; *дишрең* и *бес* ‘о быстром, ловком человеке’; *чылан* и *змея* ‘о коварном, хитром, злом человеке’; *шивишкин* и *шпион* ‘тот, кто следит за кем-л., выслеживает кого-л., доносит на кого-л.’; *языты-мегедей* и *черепаха* ‘о крайне медлительном, нерасторопном человеке’ [1; 16-18].

Мировосприятие носителей разных языков ярко проявляется на зооморфных участках их лексических систем, однако оппозиция «сходство – различие» в отборе зоонимов может осмысливаться по-разному [4, с. 18-19]. У народов, не связанных исторически единством культурной традиции, образные представления и оценки одного и того же животного нередко оказываются противоположными. Так, в русском языке: *курица* разг. ‘о человеке, имеющем жалкий вид; о безвольном, бесхарактерном человеке’; шутол. ‘о плохо видящем, близоруком человеке’ [1], тогда как в тувинском языке *дагаа* ‘курица’ характеризует не внешний вид и личность человека, а умственные способности – ‘о тупом, глупом человеке’, ср. *аамай дагаа* ‘тупая, глупая курица’; *козёл* в русском языке *бранно* ‘о человеке, вызывающем неприязнь, раздражение’ [Там же]; а в тувинском *хуна* ‘козёл’

употребляется по отношению к задиристу, упрямому, высокомерному человеку; *ворон* в русском языке – это мудрый помощник, предвестник (см. песню «черный ворон, что ты вьешься над моею головой, Ты добычи не дождешься...») [Там же]; а в тувинском *кускун* ‘ворон’ [17; 18] – ‘к прожорливому, жадному человеку, который способен забрать последние пожитки человека’; *коза* в русском языке – шутол. ‘о резвой, бойкой девочке, девушке’ [1]; в тувинском *ошкү* ‘коза’ [18] – чаще жалостливо, о бессильном человеке (*кодур ошкү* ‘коза с болячками, больная коза’); у лексемы *налим* в русском языке нет переносного значения по отношению к человеку, в тувинском *мезил* ‘налим’ [17; 18] – ‘о медлительном, глупом человеке’; *чаипан* ‘о молодом незрелом человеке’ [18] и *полынь* ‘о ком-, чём-л. неприятном, доставляющем огорчения, боль’ [1]; *клец* – в толковых словарях русского языка не отмечается переносного значения к человеку, но в разговорной речи употребляется выражение «присосался как клещ»; *саргы* в тувинском языке – ‘о неприятном, навязчивом человеке’ [17; 18].

Таким образом, метафорические переносные значения являются универсальным и наиболее мобильным средством выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи. Многие авторы говорили об антропоцентризме как свойстве экспрессивной подсистемы. В рассматриваемых языках это подтверждается наличием метафорических экспрессивов, употребляемых именно для характеристики человека, т.к. с их помощью выражается субъективное отношение и оценка человека. По примерам, выявленным из оригинальных источников, видно, что такие лексемы употребляются и как сравнение, и как прямое обращение к человеку.

Сравнительный анализ аналогичных единиц в обоих языках показал, что есть случаи семантического и функционального совпадения у большинства лексем, также есть метафорические экспрессивы, семантически понимаемые по-разному в силу разных языковых картин мира. Так, для обозначения упрямого человека в тувинском языке употребляется словосочетание *теве сидии* букв. ‘моча верблюда’, тогда как в русском языке его ассоциируют с поведением осла; другие случаи подобного несоответствия мы привели выше.

Выяснилось, что, в отличие от русского языка, в тувинском языке отсутствует метафорическая схема названий болезней в сфере «человек», например, лексемы *язва*, *холера*, *чума* и т.п. в русском языке употребляются по отношению к человеку с оценочной семантикой, тогда как в тувинском языке подобное не выявлено. Это свидетельствует о наличии разных языковых картин мира.

Так, на материале данной статьи мы показали, что экспрессивность является частью антропоцентрической парадигмы в языке.

Список условных сокращений

1, 2 – лицо; **Sg** = единственное число; **DAT** = дательный падеж; **NEG** = отрицательная форма; **OPT** = согласительное (желательное) наклонение; **IMP** = повелительное наклонение.

Список источников

1. **Большой толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.05.2017).
2. **Волос А.** Недвижимость (2000) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%EE%E7%B8%EB&docid=114442&sid=5432 (дата обращения: 21.08.2017).
3. **Лагута О. Н.** Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2003. Ч. 1. 114 с.
4. **Лагута О. Н.** Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2003. Ч. 2. 208 с.
5. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
6. **Лиханов В. И.** Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1994. 130 с.
7. **Лукьянова Н. А.** О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сборник научных трудов. Новосибирск: НГУ, 1980. Вып. IX. С. 3-23.
8. **Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка. Новосибирск: Наука, 1986. 229 с.
9. **Некипелова И. М.** К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. № 2. С. 14-26. 10.
10. **Пархоменко Т. Н.** К вопросу о семантической деривации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4. № 4 (52). С. 87-90.
11. **Петрушевская Л.** Маленькая волшебница [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F1%B8%EB&docid=114420 (дата обращения: 21.08.2017).
12. **Сарыг-оол С.** Алдан дургун. Кызыл, 1987. 205 с.
13. **Сарыг-оол С.** Чогаалдар чындзызы. Кызыл, 1988. 256 с.
14. **Татаринцев Б. И.** Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 197 с.
15. **Телия В. Н., Графова Т. А., Шахнарович А. М. и др.** Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности: коллективная монография. М.: Наука, 1991. 214 с.
16. **Толковый словарь тувинского языка** / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. А-Й. 599 с.
17. **Толковый словарь тувинского языка** / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II. К-С. 798 с.
18. **Тувинско-русский словарь** / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
19. **Шмелев А. Д.** Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 7-11.

**EXPRESSIVITY AS A COMPONENT OF ANTHROPOCENTRIC PARADIGM IN THE LANGUAGE
(BY THE EXAMPLE OF THE TUVINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Annai Ellada Kan-oolovna

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies, Kyzyl

eannaj@mail.ru

The paper argues that expressivity is a means to express anthropocentric paradigm in the language. Providing comparative-contrastive analysis of two languages (Tuvian and Russian) the author shows how metaphorization of names of different creatures and inanimate objects serves to designate a human being. Semantic derivation results in the appearance of new linguistic units which constitute the argumentative basis of the research. It is shown that a human being represents in the language not only the world but also his self-image.

Key words and phrases: metaphor; human being; expressivity; metaphorical expressive; Tuvian language; Russian language.

УДК 811

Анализ лирики и поэм Уильяма Блейка позволяет выявить основные закономерности построения авторской метафоры, установить как интегральные черты творчества автора, так и характеристики, дифференцирующие жанры. В статье представлен сопоставительный анализ реализации метафоры в «Книге Тэля», относящейся к первому периоду пророческих книг, с репрезентацией метафоры в произведениях «Мильтон» и «Иерусалим», относящихся ко второму периоду пророческих книг.

Ключевые слова и фразы: индивидуальный стиль; метафора; лирика; поэма; пророческие книги; Уильям Блейк; «Книга Тэля»; «Иерусалим»; «Мильтон».

Бабурченкова Ирина Олеговна

Смоленский государственный университет

irbissonnui@yandex.ru

**ВАРИАТИВНОСТЬ СТИЛЯ У. БЛЕЙКА В ЗРЕЛОМ ТВОРЧЕСТВЕ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ЖАНРОВ**

Изучение индивидуально-авторского стиля является одной из важных и интересных задач лингвистики. Данную проблему, которой посвящено большое количество исследований, все еще нельзя назвать решенной в силу многогранности и комплексности самого объекта изучения [2, с. 100; 15, р. 54].

Мы полагаем, что признаковую парадигму исследования идиостиля полезно дополнить анализом такой важной черты, как авторская метафора [4, с. 22]. Изучение метафоры на определенном этапе творчества автора позволяет вскрыть особенности его ментальной картины мира в тот период. Рассмотрение метафоры в динамическом аспекте позволяет выявить основные закономерности эволюции идиостиля.

Наша работа ставит своей основной задачей рассмотреть вариативность стиля одного автора – Уильяма Блейка – в произведениях разных жанров.

Не получивший должного признания при жизни, Блейк теперь признан одним из ярких представителей английской литературы [5, с. 38; 8, с. 35]. Его творчество относится к концу XVIII – началу XIX в., переломному времени в литературе: переходу от классицизма к романтизму. Мировоззрение поэта, как и литература того времени, претерпевало постоянные изменения – отношение к религии и Библии, отношение к человеческим ценностям (отражение Французской революции и политической ситуации в Англии в творчестве), влияние художественных направлений (сентиментализм, прерафаэлизм, классицизм и другие). Тем не менее, творчество Блейка сохраняет свою уникальность и целостность, во многом, опережая свое время. Многие критики считают Блейка одним из родоначальников английского романтизма, а некоторые видят в его творчестве «предтечу» символизма.

Литературное наследие автора традиционно жанрово подразделяют на лирические произведения и, как сам их называл автор, «пророческие книги». Пророческие книги представляют собой поэмы, отразившие собственную философию и мифологию автора. В динамическом плане творчество Блейка подразделяют на два периода: ранний «светлый» (1769-1790) и более поздний «темный» (1790-1827) периоды [9, с. 25].

Большинство работ, направленных на изучение литературного наследия Блейка, посвящено лирическим произведениям, что, по-видимому, связано со сложностью сюжетов поэм, неоднозначностью трактовки упоминаемых в пророческих книгах персонажей и событий. Многие критики сходятся во мнении, что автор в своих поэмах отражает через призму образов как политическую действительность своего времени, так и собственные религиозные воззрения [Там же, с. 23]. Существует ряд работ, посвященных мифологии в пророческих книгах, в которых критики, анализируя жизнь автора и жизнь общества того времени, предлагают